

Это было счастье, что правая рука оказалась сломана. Будь она цела, я бы, скорее всего, размахнулся вслепую и в итоге проиграл бы. Ёхан и так уже достаточно для меня сделал, ведь это он, даже не используя кулаки, одними коленями и ступнями вбил Хан Джун У в землю.

Я стиснул зубы, принимая на спину град ударов, и со всей силы вогнал колено прямо в лицо Хон Хвиджуну.

Мои голени скребли по асфальту. Грязная ткань штанов рвалась от трения, разлохмачиваясь по краям. Но в голове не осталось места для таких мелочей.

— Ты, жалкий придурок! Отпусти, сука!

Я уже ничего не слышал. Внутри плескался только чистый, обжигающий яд. Одна-единственная, непоколебимая решимость. Я ни за что не позволю этим мразям затоптать себя. Эта мысль была единственным, что удерживало меня на плаву.

Я пригнулся к земле, закрывая лицо, но удары всё равно доставали меня — в висок, в ухо. Всё, что мне оставалось, это лишь крепче вцепиться в голову Хон Хвиджуна и продолжать крушить его лицо своим коленом.

— Ты, грёбаный...

Его лицо почти утонуло в пыли. Разинутый рот наполнился грязью.

Так тебе и надо. Меньше трепаться надо.

Игнорируя его сдавленные хрипы, я ещё сильнее вдавил его голову в асфальт. Его ноги бессильно дёргались, молотя воздух.

И тут мир перевернулся.

— Хватит! Прекратите! Вы что творите?!

Кто-то схватил меня под мышки и рванул назад.

Твою мать.

Всё кончено?

Я не успел ничего сообразить, как перед глазами мелькнуло лицо.

Учитель физкультуры.

Из всех людей, кого я мог увидеть в последнюю очередь, это был именно он. Ну и везение.

А потом всё погрузилось во тьму.

И каждую клетку тела пронзила адская боль.

Когда я снова открыл глаза, я совершенно не помнил, что было в промежутке.

Передо мной была не школа. Я тупо пялился в белоснежный потолок.

Медленно повернул голову. Всё тело ощущалось так, будто мои кости раздробили, а потом кое-как собрали заново.

Тумбочка. Капельница.

Всё очевидно.

Больница.

И в этот момент меня накрыло ледяной волной осознания.

Кан Джун, девятнадцати лет от роду, официально просрал свою жизнь.

— ...Твою же мать.

В палате стояла мёртвая тишина. Это была отдельная палата.

Просто так такие не дают.

Значит, родителям уже сообщили.

Скорее всего, все вопросы уладил кто-то из их секретарей.

Кошмар.

Всё-таки это случилось. Они узнали.

Пять месяцев и тринадцать дней.

Столько мои родители уже не были дома.

В какой-то момент я даже начал сомневаться, не бросили ли они меня.

Но потом, когда они звонили по видеозвонку, я думал, нет, я все еще их любимый сын.

Честно говоря, я ведь не мог вечно скрывать гипс.

Не мог же я три месяца на видеозвонках показывать только лицо.

Поэтому я принял взвешенное решение.

Я во всём сознался.

Если я признаюсь первым, у родителей не будет причин допрашивать меня дальше, верно?

Даже оглядываясь назад, я понимаю, что это был отличный план.

В тот день, когда мне наложили гипс, я соврал, что упал с лестницы.

«Странно... Ты в последнее время часто травмируешься. Что-то происходит?»

Конечно, родители волновались.

Но так как у них не было причин мне не верить, они проглотили всё, что я сказал.

В такие моменты я особенно радовался, что всегда был хорошим сыном.

Ну всё, теперь я точно влип.

То доверие, которое я выстраивал годами, - разрушено в пух и прах.

Я поморщился от боли, пронзившей тело, когда попытался перевернуться в поисках часов.

— ...

И тут я увидел его.

Го Ёхана.

Спящего, свернувшись калачиком на диване.

Какого хрена он здесь делает?

Я застыл на кровати, совершенно офигев.

Моё тело уже почти перевернулось, но теперь я лежал пластом, словно проглотил кол.

Если бы я сейчас посмотрелся в зеркало, мои глаза, наверное, были бы такими широкими, что белков было бы больше, чем зрачков.

Вот насколько я был в шоке.

За окном небо окрасилось в оранжевый, закатное солнце лилось в больничную палату. Шторы тихо колыхались от вечернего ветерка.

А под ними, с бледным лицом, спал Го Ёхан, засунув руки между колен.

Но серьёзно, какого хрена он тут спит?

Инстинктивно я потянулся за телефоном.

Нужно было узнать, что, мать его, произошло.

От движения каждый сустав, казалось, норовил выскочить из суставной сумки. Я нащупывал рукой кровать, но там ничего не было.

Ну, очевидно.

Я нахмурился и повернул голову к тумбочке.

— ...Хотя бы там должно быть.

В горле пересохло, саднило.

И в то же время во мне поднялась тяжёлая волна нерешительности.

Тело ломило адски.

Но я должен был знать.

Любопытство победило.

Чертыхнувшись под нос, я потянулся.

Пальцы едва коснулись ручки ящика.

Я потянулся сильнее, хватая воздух.

Тук. Тук.

Я пару раз хлопнул по ящику, прежде чем наконец ухватился за него.

— Ха-а...

Взял.

Я облегчённо выдохнул.

И тут же облажался.

Локоть задел стойку капельницы.

Бух!

Капельница с грохотом рухнула на пол.

Меня охватила паника. Я в ужасе дёрнулся, боясь, что игла вырвется из вены и кровь хлынет фонтаном.

К счастью, трубка оказалась достаточно длинной, так что я не забрызгал всё вокруг.

— ...

Хрусь...

Наверное, мне показалось, но если бы рядом кто-то стоял, он точно услышал бы, как хрустнул мой позвоночник, когда я медленно повернул голову.

К счастью, Го Ёхан всё ещё спал.

Он не проснулся.

Я с облегчением выдохнул.

Схватившись за стойку, я осторожно сел. Всё тело застонало в знак протеста.

Мой взгляд снова упал на Го Ёхана.

И в этот самый миг ...

Его длинные, узкие глаза медленно раскрылись.

Словно он уже смотрел на меня, даже когда они были закрыты.

Его маленькие зрачки впились в меня.

— ....

— ....

В воздухе повисла тишина, холоднее льда.

— Ты.

Го Ёхан прикрыл глаза, а потом усмехнулся.

— Ты всё-таки сделал это.

Его руки всё ещё были засунуты между колен.

Голос звучал тихо, лениво. Видимо, он ещё не до конца проснулся.

— У Хон Хвиджуна сломан нос.

— ...

— Ты ему сломал.

Он тихо хмыкнул, почти беззвучно.

Потянувшись, его скрученное тело распрямилось во всю длину.

Ноги, которые свешивались с дивана, лениво качнулись и опустились на пол.

Я прищурился.

— Я...

Я начал говорить, но осёкся.

Я прокашлялся. А потом попробовал снова.

— ...Я победил?

— Ты не проиграл.

Его ответ был чёток.

Я тяжело выдохнул.

— Блять.

— Поздравляю. Твой залёт официально можно назвать образцово-показательным.

Этот идиот сейчас надо мной издевается?

Я нахмурился и закрыл глаза.

Честно, да. Зачем ещё Го Ёхану было тащиться сюда? Чтобы давить на меня и игнорировать, как Хан Джун У? Или у него был какой-то другой мотив? Обычно я бы просто заткнулся и сидел тихо, но тот факт, что я не проиграл Хон Хвиджуну, ударил мне в голову. Наполовину это была

бравада, а наполовину, видимо, побочка от обезболивающих. Короче, я обзавёлся какой-то бесполезной смелостью.

— Ты какого хрена здесь забыл?

Тихий смешок вырвался у него. Го Ёхан легонько постучал кончиками пальцев по кожаному дивану для посетителей. Почему-то этот мелкий жест меня раздражал.

— Пришёл поиздеваться? Мол, какой идиот, который драться не умеет, вообще лезет в драку, а?

— ...

— Или ты здесь, чтобы надавать мне пощёчин, как было с Хан Джун У?

На этот раз Го Ёхан ничего не сказал. Ни смешка. Он медленно открыл глаза, поднял руку и просто тупо уставился на свои ногти. Я выдавил самокритичный смешок и продолжил.

— Или ты уже надавал, пока я спал? Щека саднит, так что мог и врезать уже.

— Зачем ты подрался с Хон Хвиджуном?

— Ты что, блять, издеваешься? Это ты устроил всю эту сцену, а теперь спрашиваешь меня?

Его голос был нехарактерно серьёзным, но он снова замолчал, отводя взгляд от своих ногтей и, глядя на меня, спросил:

— Хон Хвиджун это сказал?

— Что-то он говорил, да.

— Вот как? Сукин сын. Ты его хорошо отделал.

Ещё один смешок. Он проигнорировал меня, потом разозлился, а теперь вдруг снова был здесь, делая вещи, которые я совершенно не мог понять.

— Я серьёзно, зачем ты пришёл?

В тот момент, когда я спросил, Го Ёхан медленно моргнул и выпрямился. Он издал лёгкий хмык, устраиваясь поудобнее на диване, и медленно провёл рукой по подбородку. Потом,

мельком взглянув на меня, перевёл взгляд в пустоту и сказал:

— Возвращайся в школу, как только поправишься.

— Ты с ума сошёл? Чтобы меня снова унижали?

— Я этого не допущу.

— Что?

— ...

— Какого хрена?

— Потому что...

Го Ёхан сцепил руки в замок. Его длинные пальцы переплелись. Голос звучал странно приглушённо, влажно.

— Просто потому что.

Он склонил голову, глядя на меня. Его узкие глаза казались до жути нереальными, сюрреалистичными. Я не мог отвести от них взгляд. Всё ещё лёжа на подушке, я моргал, глядя на этого странного, незнакомого Го Ёхана. Больничная палата, залитая тёплым оранжевым светом, неумолимо погружалась в ночь. Я медленно разлепил губы.

— Нет. Я переведусь.

— Ха, и какая же школа возьмёт перевод в середине года?

— Не знаю. Если денег закинуть, кто-нибудь да возьмёт. У нашей семьи их полно. К тому же мои родители не из тех, кто будет просто сидеть и смотреть, как их единственный сын доходит до такого...

— Нет.

Короткая пауза. Мои брови сами собой нахмурились. Что я только что услышал? Но прежде чем я успел спросить, Го Ёхан заговорил первым.

— Если ты переведёшься, я пойду за тобой.

— Ты что, совсем охренел?

Го Ёхан был определённо безумен.

— А ты разве не собираешься за границу?

Хотя, говоря это в такой ситуации, я, наверное, тоже недалеко ушёл. Странное время, чтобы поднимать эту тему. Я всегда был одержимо любопытен на этот счёт, прямо до заикливости. Я скосил взгляд в пустоту. Когда я повернулся обратно, Го Ёхан приподнял одну бровь. Привычка, которую я давно не видел.

— Кто это сказал?

Чего он придурился? Меня это разозлило, и я ответил резковато.

— Ты.

— Ты о чём вообще говоришь?

— А что, нет?

— Конечно, нет. Я не занимаюсь трусливым дерьмом вроде бегства.

— Твой брат учится в Америке.

— Именно это я и имею в виду.

Го Ёхан, который до этого безучастно ковырял ноготь на другой руке, слегка усмехнулся. Он даже не потрудился поднять глаза. Я сразу понял, что он имел в виду. Он насмеялся над своим братом. Я повернул голову к потолку и бесполезно выдохнул.

— Значит, всё те же старые добрые «Университет Корё важнее Гарварда»?

— Очевидно. Зачем ещё наследнику крупнейшей корпорации в стране пересдавать вступительные экзамены три раза, лишь бы поступить в Университет Корё?

— И в него всё ещё труднее поступить, чем в Гарвард?

— Если есть деньги, можно просто нафабриковать внеклассные мероприятия и собрать приличное портфолио. Гарвард проще.

— Легко сказать.

Как будто я не знаю, как это на самом деле трудно. Я усмехнулся, глядя в потолок. Го Ёхан всё ещё пристально разглядывал свои ногти.

— И ты правда думаешь, что с твоими оценками поступишь в Университет Корё?

— Может, по особой квоте для иностранных студентов.

— Ха, иностранный студент?

Я хотел посмеяться над ним. Наполовину это была шутка, но я всё равно был в шоке от услышанного. Иностраный студент? Всё ещё глядя на свои ногти, Го Ёхан ответил, ни торопливо, ни медленно, а с идеальной, невозмутимой скоростью.

— Я разве никогда не говорил тебе? Моя прабабушка была румынкой.

— ...Это правда?

Это был не обман? Я уставился на него, потеряв дар речи. Го Ёхан слегка нахмурился. Он выглядел искренне оскорблённым. Впервые за всё время его взгляд оторвался от ногтей и встретился с моим.

— Какого хрена мне врать?

— Да ладно, серьёзно?

Меня полностью переключило. Нет, меня реально переключило. Шок от его ответа был способен развеять всю ту смутную враждебность и раздражение, которые я испытывал к Го Ёхану.

— Мой отец кореец-американец, а мать румынка в четвёртом поколении. Так что я на три четверти восточный азиат. Кстати, мой прадед был немцем. А дед китайцем.

— Реально?

— Ты что, всю жизнь живёшь, и тебя всё время так разводят?

— Просто это звучит как полная херня, сколько ни слушай. Что это вообще за генеалогическое древо такое?

— Ты прав. Я всё выдумал.

— ...

Твою мать. Он снова меня развёл. Я рефлекторно дёрнулся, сел, а потом снова рухнул на кровать.

— Но то, что у меня есть американский паспорт, правда.

Не верю. Я покосился на него.

— Я родился в Нью-Йорке. Мои родители специально так сделали, чтобы у меня было гражданство.

— Враньё.

— Правда. Хочешь, покажу паспорт? Это я тебе по секрету говорю.

Я даже не потрудился ответить. Просто повернулся к нему спиной. Между нами снова повисло молчание. Я мог бы просто позволить себе провалиться в сон или достать телефон из ящика, но не сделал ни того, ни другого.

Потому что не мог перестать думать о нём.

Какого чёрта он сюда пришёл?

Я начал задаваться вопросом, уж не сплю ли я.

В голове было туманно, веки тяжёлые. Может, это и правда сон. Это объясняло бы, почему у меня такой нормальный разговор с Го Ёханом.

Я позволил себе погрузиться в реальность и закрыл глаза.

Тишина.

Душная, гнетущая тишина.

— Шин Джэхен не приходил тебя навестить.

Го Ёхан наконец нарушил молчание. Мои глаза распахнулись.

Мне вкололи обезболивающее? Или в капельницу что-то подмешали? Что бы это ни было, оно явно не способствовало сохранению ясного рассудка. Мой рот говорил сам собой.

— Какого хрена это вообще значит?

— Он даже не спросил, почему тебя нет в школе.

— Ну и что? Ты-то от меня чего хочешь?

Я сел и посмотрел на него. Пол качнулся. Холодная плитка, казалось, то поднималась, то опускалась. Голова кружилась. И какое, чёрт возьми, мне дело, приходил Шин Джэхен или нет?

— Тебя это бесит, да?

Что? С чего бы мне это бесило? Его логика была настолько абсурдной, что у меня не было слов.

Го Ёхан сцепил пальцы, бесцельно переплетая их.

— Друг пострадал, а он даже не потрудился навестить...

Разве мы с Шин Джэхеном друзья? Нет. Мы даже не разговаривали толком. Единственное, что он мне дал, это ключ от художественной комнаты. Скорее уж, это я был у него в долгу.

Какое мне до него дело? Ему тоже нет до меня дела, это же очевидно.

И вообще, с чего Го Ёхан так заикнулся на Шин Джэхене?

— Я не знаю.

Я открыл рот, чтобы что-то сказать, но вылетело только это.

Может, я и тусуюсь с отбросами, но сам я не отброс. Я знаю, когда я кому-то должен. И знаю, как отдавать долги.

Иногда нужно проявить хотя бы каплю сочувствия.

Я вдруг вспомнил о латунном ключе, который всё ещё лежал в моём кармане. Этот ключ был, наверное, просто маленьким жестом внимания.

— Он не обязан был меня навещать.

— ...

Для Шин Джэхена это всё ничего не значило.

Он просто стёр граффити с моей парты. Просто отдал мне свой недоеденный сэндвич. Просто дал ключ, который случайно оказался при нём.

Ничего из того, что он сделал, нельзя было назвать жертвой. Это был просто хрестоматийный пример обычной человеческой доброты. Просто так вышло, что она мне немного помогла.

Бывают моменты, когда внезапно понимаешь то, чего не понимал раньше.

Это был как раз такой момент.

Я вспомнил, что сказал мне Хан Тэсан.

Внезапно резкая головная боль заставила меня замолчать на полуслове и схватиться за лоб.

«Потому что ты был единственным, кто мне помог.»

Чёрт.

Твою мать.

Вот что имел в виду Хан Тэсан.

То мерзкое, опустошающее чувство ненависти к себе, когда осознаёшь, что делаешь то, что когда-то сам считал отвратительным. Я едва не выругался вслух.

Я думал точно так же, как Хан Тэсан.

Значит ли это, что я оказался в той же ситуации, что и он?

Я осознал собственное лицемерие, и меня чуть не вывернуло. Но прежде чем я успел обдумать

это дальше, случилось кое-что похуже.

Лёгкое прикосновение.

Что-то прохладное прижалось к моему лбу.

Жар мгновенно прилил к лицу.

— Т-ты что творишь?!

Испугавшись, я инстинктивно отшвырнул то, что внезапно приблизилось.

Когда я поднял глаза, Го Ёхан стоял рядом, его рука слегка покраснела, и выглядел он таким же испуганным, как я.

— ...Э.

Он потёр покрасневшую руку другой, избегая моего взгляда. Его длинные пальцы скользнули вниз, рассеянно теребя чётки.

Мягкий перестук бусин эхом разнёсся в тихой комнате, когда Го Ёхан выдавил необъяснимую улыбку.

— Вызвать врача или медсестру?

Такая внезапная забота сбила меня с толку. Меня это задело, и я огрызнулся.

— Не надо.

— У тебя, похоже, голова болела.

— Я сказал, забудь. Просто убирайся.

— Эй...

Его голос прозвучал ровно.

— Ты сейчас ведёшь себя как последний мудака. С человеком, который пришёл тебя навестить.

— Будто у тебя самого есть право так говорить.

<http://bllate.org/book/12586/1591763>